ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА В. В. МАЯКОВСКОГО

*Совещание в Союзе советских писателей СССР**

На утреннем заседании 20 января выступила сестра великого поэта **Л. Маяковская.**

Л. Маяковская напоминает о том, как враждебно было встречено появление молодого Маяковского в буржуазной печати и о том, как после Октябрьской революции враги Маяковского продолжали его травлю.

Далее Л. Маяковская критикует книги авторов, которые, по ее мнению, отдавая дань двум поэмам Маяковского, все остальное подводят под так называемые ошибки и противоречия.

— Ошибок, как известно, не бывает только у тех, кто ничего не делает, — говорит Л. Маяковская.— Были они, конечно, и у Маяковского. Но к этим ошибкам надо подходить без стремления заслонить то большое и важное, что сделал поэт для построения коммунистического общества, для литературы. Говоря о раннем Маяковском, нельзя подходить к дореволюционным событиям и фактам, которые происходили 40 лет назад, с меркой сегодняшнего дня, нельзя не учитывать, наконец, политических условий царского режима, как, например, цензуры.

— Правильная концепция понимания творчества Маяковского, — говорит оратор, — берет свое начало от высказываний А. М. Горького, который чутьем большого художника и человека разглядел за «футуризмом» Маяковского настоящего, большого поэта. Такую же оценку дал И. Е. Репин: «Какой вы, к чертям, футурист! Самый матерый реалист».

Л. Маяковская говорит, что правильно поступают те исследователи, которые видят истоки творчества Маяковского в детстве поэта, его демократическом, трудовом, морально-крепком, здоровом воспитании, в семье и в окружающей среде, в том неизгладимом впечатлении, которое оставил революционный 1905 год, в фактах участия Маяковского в большевистском подполье, общении с рабочей средой и пролетарским студенчеством. Вот те здоровые корни и соки, которые его питали всю жизнь и никогда не пересыхали.

Но трудность в утверждении этой концепции связана, по мнению Л. Маяковской, с тем, что отдельные органы печати, Институт мировой литературы и некоторые работники ССП поддерживают неправильную концепцию. Л. Маяковская говорит о нежелании издательств печатать работы о Маяковском, подготовленные тт. Колосковым и Маяковской, Лавутом, Февральским, сборники документов, подготовленные Музеем Маяковского.

В. Новиков говорит о том, что изучение творчества Маяковского теснейшим образом связано с решением актуальных задач современной поэзии. В оценке творчества поэта важно, чем будет руководствоваться исследователь: фактическим материалом, историей вопроса или субъективными домыслами и групповыми взглядами.

— Почти два года назад газета «Правда», — говорит В. Новиков, — в статье В. Щербины «За правдивое освещение творчества В. Маяковского» остро и принципиально поставила вопрос о недопустимости искажения творческого пути и творческого облика поэта, которое содержалось в книжке С. Трегуба «Живой с живыми» и комментариях к последнему собранию сочинений Маяковского. Речь шла о наличии групповых взглядов на творчество Маяковского, приведших к вульгаризаторскому толкованию основных вопросов творчества Маяковского.

— От того, объявим ли мы Маяковского «поэтом группы» или будем считать его творчество достоянием всей советской поэзии,— говорит В. Новиков,— зависит, будет ли он оружием в решении поставленных перед всей поэзией задач. Главное в этом вопросе — какие стороны творчества Маяковского должна продолжать наша поэзия? Кажется ясно — сильные, те, что с наивысшей силой проявились в зрелый период творчества, были достигнуты в результате Великой Октябрьской революции, решающего влияния партии Ленина — Сталина.

В. Новиков говорит, что цель исследования должна заключаться в том, чтобы раскрыть сильные стороны творчества Маяковского.

— Ошибочная субъективная точка зрения,— продолжает оратор,— решительно противостоит такому подходу. Под видом защиты Маяковского ее сторонники переносят достоинства зрелого периода творчества на дореволюционный, стирают всякое качественное различие творчества поэта разных периодов.

Таким образом не только затушевываются ошибки и заблуждения раннего Маяковского, но не выявляются и сильные стороны его творчества, не показывается процесс развития поэта, его подлинное новаторство. Вопрос о традициях Маяковского решается неверно, сводится не к продолжению лучших традиций Маяковского, а к подражанию.

— XIX съезд партии поставил задачу создания монументального искусства, достойного сталинской эпохи, — говорит оратор.— В нашей поэзии все еще мало эпического размаха, который был так свойственен Маяковскому и составлял одну из самых характерных черт его творчества. Поэзии не хватает героического пафоса, возвышенной романтики, наступательной силы. Читатель ждет произведений, передающих пафос созидания, наполненных героической романтикой и вдохновением, во весь рост показывающих типичного героя нашего времени, его дела и подвиги во имя Родины, во имя счастья на земле.

В. Новиков говорит о характерных чертах поэмы «Хорошо!» и указывает, что в наиболее выдающихся поэмах, созданных советскими писателями в период Великой Отечественной войны (в «Василии Теркине» А. Твардовского, в поэме Н. Тихонова «Киров с нами», в поэме М. Алигер «Зоя», в поэме С. Щипачева «Домик в Шушенском»), нашли творческое продолжение лучшие традиции Маяковского.

К сожалению, в 1952 году не появилось ни одного значительного эпического произведения, удовлетворяющего высоким требованиям типичности. Для создания монументальных произведений важно творческое использование богатейшего опыта Маяковского всеми советскими поэтами.

В. Новиков признал справедливость критических замечаний в адрес его книги и заявил, что постарается исправить допущенные недостатки в своей дальнейшей работе. Но рецензию В. Любовцева в газете «Московский комсомолец» и редакционную статью в «Комсомольской правде» В. Новиков считает необъективными и уводящими внимание общественности от причин неудовлетворительного состояния изучения творчества Маяковского.

На вечернем заседании 20 января выступил **Б. Ростоцкий.** Он посвятил свое выступление драматургии Маяковского, которая до сих пор не заняла достойного места в трудах литературоведов и театроведов и в работе наших театров.

Признавая отдельные недостатки своей книги «Маяковский и театр», Б. Ростоцкий полемизирует со статьей А. Анастасьева, опубликованной в «Литературной газете», в которой давалась критическая оценка этой книги. По мнению Б. Ростоцкого, эта статья отражает недоверчиво-скептическое отношение к Маяковскому-драматургу, которое еще достаточно распространено.

Отмечая огромное значение сатирической линии в драматургии Маяковского, Б. Ростоцкий считает, что нельзя сводить драматургию Маяковского только к сатирической линии.

— Разве не шире этой линии первая советская пьеса «Мистерия-Буфф»? Разве только к сатире сводится «Баня»? Но верно, конечно, что линия сатиры, публицистически заостренной и политически действенной, всегда занимала очень важное место в творчестве Маяковского.

В заключение Б. Ростоцкий оглашает один из отзывов, полученных от слушателей радиопостановки «Бани».

«Наконец-то достойная и актуальная «Баня» нашла свое воплощение в передаче по радио...

Пора поставить «Баню» в Театре сатиры...

Да здравствует Владимир Маяковский!

Группа студентов».

— Да, я думаю, что мы можем сказать: да здравствует Маяковский, Маяковский-поэт и Маяковский-драматург! — заканчивает оратор.

С. Кирсанов резко критикует тех исследователей, которые стремятся раздуть и преувеличить мнимые и действительные «грехи» В. Маяковского. Он напоминает о том, как сам Маяковский упорно боролся с «навешиванием» на него оскорбительных критических ярлыков.

— Сейчас положение далеко не такое, — говорит С. Кирсанов. — Над стихами Маяковского сияет солнце сталинских слов, которые всем нам, советским поэтам, указывают путь движения вперед. И, тем не менее, во многих книгах и статьях выявилась тенденция выделить и поставить на первый план все ошибочное и противоречивое, что было у Маяковского.

В этой связи С. Кирсанов критикует взгляды В. Перцова и редактора его книги А. Метченко, напоминая о существенных ошибках, допущенных обоими исследователями в оценке футуризма. С. Кирсанов упрекает А. Метченко и В. Перцова в том, что, постоянно указывая на ошибки и противоречия Маяковского, они не хотят самокритически признать свои недавние ошибки.

Далее С. Кирсанов полемизирует с характеристиками дореволюционного Маяковского, которые содержатся в работе В. Перцова.

— Маяковского, писавшего в условиях царизма и царской цензуры, — говорит оратор, — надо рассматривать, как революционного поэта, пытавшегося использовать все легальные возможности для революционного протеста. Это единственно верное определение. Футуризм занимает в жизни и творчестве Маяковского малюсенькое место. Не футуризм его интересовал. Его интересовало восстание против мерзкого порядка вещей в условиях царизма. Объем произведений Маяковского, где он выступает против капитализма, выступает революционером, верящим в будущее, неизмеримо больше, чем те два-три ранних юношеских стихотворения, которыми пользуются для раздувания футуризма Маяковского.

Напоминая о том, сколько горя и вреда принесло Маяковскому утверждение противников его поэзии о непонятности его стихов, С. Кирсанов критикует статью В. Перцова «О стихе Маяковского», опубликованную в «Литературной газете», заявляя, что эта статья вызывает сомнения в доступности стихов Маяковского.

— Партия доверила Маяковскому Окна сатиры РОСТА—этот массовый вид агитации. Маяковскому доверяли редактирование журналов. Я убежден, что с первых дней Октября партия увидела в Маяковском близкого себе поэта, партия его воспитала и приблизила, и, не будь этого воспитания, не могло бы быть Маяковского, как певца коммунистической партии!

В заключение С. Кирсанов критикует опубликованную в «Литературной газете» рецензию З. Паперного на книгу В. Новикова за то, что автор рецензии, по мнению С. Кирсанова, слишком благодушно отнесся к серьезным недостаткам этой книги.

В выступлении С. Кирсанова прозвучало по меньшей мере странное требование — лишить часть критиков права заниматься изучением творчества В. Маяковского и предоставить это право одной только группе критиков.

Т. Трифонова (Ленинград) выразила в своем выступлении неудовлетворенность ходом совещания.

— К сожалению, по поводу некоторых выступлений хочется задать вопрос: а во имя чего мы все это делаем, во имя чего это говорится? Во имя того, чтобы утвердить непререкаемую правоту своей личной точки зрения, или во имя того, чтобы общими силами, отказавшись, если нужно, от своих неправильных соображений, присоединившись, где нужно, к мнению своего вчерашнего противника, выработать правильную точку зрения? Что нам дорого — сочиненная, может быть, даже выстраданная кем-нибудь из нас та или иная концепция, или нам дорога по-настоящему правда и наша литература, которая не развивается без Маяковского и без правильного понимания Маяковского и не может развиваться?

То, что в некоторых выступлениях звучало стремление опорочить оппонентов, что при этом выдергивались цитаты 20-летней давности, говорит о неблагополучии в ходе нашего обсуждения.

Т. Трифонова критикует доклад В. Друзина, который, сделав вывод о неудовлетворительном состоянии изучения творчества Маяковского, не сказал, сделано ли уже что-либо положительное в этой области или нет.

— Когда мы изучаем творчество писателя, работающего на рубеже двух эпох,— говорит Т. Трифонова,—писателя, который начал свою деятельность до революции и чья деятельность получила полный расцвет и развитие в советские годы, особенно важно точно определить задачу такого исследования и договориться о полной правдивости и прямоте каждого исследования. Ни в коем случае нельзя, говоря о творчестве целого ряда крупных писателей — А. Толстого, К. Федина, И. Эренбурга, даже А. М. Горького, — замазывать и скрывать те ошибки и те трудности, которые были на их пути.

Необходимо, прежде всего, глубоко и по-настоящему изучить отношение писателя, в данном случае Маяковского, ко всем событиям эпохи и воздействие этих событий на его творческое развитие.

Далее Т. Трифонова критикует выступления С. Трегуба, А. Колоскова и Л. Маяковской, характеризуя их как проявления групповщины, и положительно оценивает книгу В. Перцова.

— За то, что такое множество людей, наших товарищей, старых и молодых, вот уже в течение почти суток с коротким перерывом с таким кровным интересом, с такой яростной заинтересованностью слушают то, что здесь говорится, нужно еще раз низко поклониться великому нашему другу, который ушел от нас 23 года тому назад, Маяковскому! — сказал **П. Антокольский.**

В декабре 1935 года мы впервые прочли слова И. В. Сталина о том, что Маяковский был и остается лучшим и талантливейшим поэтом нашей эпохи. Он остается лучшим и талантливейшим поэтом нашей эпохи и сегодня.

Переходя к задачам, которые стоят перед монографическим исследованием Маяковского, П. Антокольский говорит, что целью такого исследования должен быть показ органичности роста поэта, органичности того целого, которое называется «жизнь и творчество Владимира Маяковского».

Анализируя некоторые примеры из стихов Маяковского разных лет, П. Антокольский показывает постоянную демократическую и партийную направленность его поэзии.

П. Антокольский положительно оценивает книгу В. Катаняна «Маяковский — литературная хроника», считая, что в ней выполняется важнейшая задача собирания фактического материала о Маяковском.

— Пока не поздно, мы, старики, которые видели Маяковского живым, имели в жизни эту радость, — говорит П. Антокольский, — должны все, что помним, все записать и собрать. Пускай накопятся груды, нагромоздятся горы материала. Очень много зависит от того, чтобы это было сделано с максимальной тщательностью. Когда говорят «пушкиноведение», то имеют в виду не только ту или другую оценку произведений Пушкина, но и то, что благодаря пушкинистам известен каждый день жизни поэта. Если это было возможно сделать через сто лет после Пушкина, это необходимо сделать и по отношению к Маяковскому, чтобы показать его жизнь, как каждодневный, напряженный, никогда не иссякающий и очень нелегкий труд, не только труд поэта, но и агитатора.

Сколько поездок, сколько выступлений, сколько аудиторий!

Как можно об этом забыть! Как можно забыть, что творчество Маяковского — это не только писание стихов в четырех стенах, это еще, кроме того, ежедневное, ежевечернее произнесение их с трибуны, эстрады, сцены, кафедры, неустанная пропаганда того дела, которому Маяковский служил, и это первое, о чем следует помнить.

Далее П. Антокольский говорит о необходимости изучить проблему лирического героя Маяковского.

— Когда впервые было услышано:

Эй, вы!
Небо!
Снимите шляпу!
Я иду!

— то в обывательской критике это было одним из поводов для того, чтобы упрекнуть Маяковского в тяжелейшем из смертных грехов—гипертрофии собственного «я». Но разве не ясно, что Маяковский говорил не о себе, что он говорил о тысячеустом множестве, которое стояло рядом с ним и было совершенно подобно ему. Это и было рождением лирического героя Маяковского.

Именно такой поэт, как Маяковский, имел полное основание говорить от имени множественного и сильного лирического героя. П. Антокольский, характеризуя лирических героев других советских поэтов, напоминает стихи Тихонова:

Праздничный, веселый, бесноватый,
С марсианской жаждою творить,
Вижу я, что небо небогато,
Но про землю стоит говорить...

— Эта строфа раннего Тихонова рисует не только очень верный его личный портрет, но и изображение тех, которые стояли рядом с ним.

Мы услышали в один из суровых дней Отечественной войны:

Видно, выписал писарь мне дальний билет,
Отправляя впервой на войну.
На четвертой войне, с восемнадцати лет,
Я солдатскую лямку тяну.

Это не биографическая справка, относящаяся к военному журналисту и поэту Суркову,—это точное изображение миллионов и миллионов советских людей сорокалетнего возраста, которые дрались с оружием в руках против фашистских захватчиков. Это лирический герой того поколения, к которому принадлежит Сурков.

Далее П. Антокольский разбирает стихотворение М. Луконина «Мои друзья». Тут тоже речь идет о большом лирическом герое, о лирическом герое не как о портрете или двойнике автора, а как о миллионах советских людей, которым было тридцать лет в годы Отечественной войны.

А. Метченко говорит о ненормальном положении, которое сложилось в деле изучения творчества Маяковского.

— Создалось такое положение, что ни один исследователь, который хочет написать о Маяковском, не может быть уверен в том, что его труд, как бы он ни был честен по замыслу и добросовестно написан, будет объективно оценен.

— Мне думается, — говорит А. Метченко, — что настала пора взяться за изменение климата в этой отрасли нашей науки. Надо создать плодотворную творческую атмосферу, атмосферу, при которой было бы содружество, а не взаимная склока, взаимопомощь, а не подсиживание друг друга. Передергивание цитат и искажение мыслей друг друга ни к чему полезному привести не могут.

А. Метченко, соглашаясь, что в книгах В. Новикова и В. Перцова есть недостатки, говорит, что в основе этих книг лежит верная концепция, и именно эта концепция стала предметом резкого и необъективного освещения со стороны некоторых критиков.

— Я не разделяю ряда положений в книге В. Перцова и в книге В. Новикова, — говорит А. Метченко. — Но я разделяю главное в этих книгах — это стремление не обходить сложные вопросы, нежелание все выравнивать по одной линии, а попытаться разобраться в сложном противоречии материала и показать главные тенденции в развитии поэта.

По мнению А. Метченко, книга В. Перцова, в основном,—ценное исследование, и то, что в ней есть ценного, то, что добыто трудом, останется.

Достоинством книги В. Новикова А. Метченко считает то, что в этой книге автор поставил главной своей целью показать огромную роль Октябрьской социалистической революции, огромную роль партии и ее политики в формировании Маяковского.

Касаясь работ С. Трегуба, А. Колоскова и статей некоторых критиков, А. Метченко говорит о неправильной концепции в этих книгах и статьях.

— Существовала ложная, рапповская точка зрения на Маяковского. Трегуб, Колосков и другие строят свою «концепцию» по принципу «наоборот». Но если вы возьмете ложную концепцию и противопоставите ей противоположную концепцию, не изучая обстоятельно творчества Маяковского, не изучая исторического, историко-литературного процесса, разве от этого получится истина?

Оратор решительно возражает против полемических приемов, состоящих в вытаскивании старых ошибок оппонентов, и говорит, что выступления такого характера имеют целью возрождение осужденных в статье «Правды» взглядов на творческий путь Маяковского.

Полемизируя с выступлением С. Кирсанова, А. Метченко говорит, что в характеристике отношений Ленина и партии к Маяковскому в первые годы революции он не хотел скрывать ни одного факта, так как, скрывая факты, не придешь к истине.

— И факты эти (свидетельство А. Луначарского, что В. И. Ленину не понравилась поэма «150.000.000»), приведенные в моей работе, — говорит оратор, — не дискредитируют Маяковского, так как следом за ними сказано, каким огромным событием в жизни Маяковского был отзыв Ленина о стихотворении «Прозаседавшиеся», и анализируется, как этот отзыв сказался на судьбе Маяковского и на судьбе советской поэзии, которая равнялась по Маяковскому.

А. Метченко полемизирует с редакционной статьей в «Комсомольской правде».

— Эта статья, — говорит А. Метченко, — ориентирует молодежь на то, чтобы обходить острые углы, обходить правду, если эта правда выступает в сложном, противоречивом виде, ориентирует молодежь на лакировку. Мы боремся против теории бесконфликтности во всех ее проявлениях, а в статье «Комсомольской правды» говорится, что исследователь не может пользоваться выражениями «но», «однако» и т. д., что можно говорить только «или—или». У кого автор статьи учился логике? Только не у Ленина! Например, в тот период, когда Горький допускал серьезные идейные ошибки, Ленин указывал на эти ошибки и в то же время говорил, что Горький, безусловно, крупнейший авторитет в деле пролетарского искусства.

Заканчивая свое выступление, оратор говорит:

— У Маяковского есть изумительные слова. Он мечтал о том, чтобы было побольше поэтов хороших и разных. Я думаю, что наше требование к себе и другим должно заключаться в том, чтобы писалось больше книг хороших и разных.

В. Огнев критикует книгу В. Новикова за проявленное в ней, по его мнению, полное непонимание искусства вообще и поэзии Маяковского в частности.

Далее оратор говорит о новаторстве Маяковского и его традиции в современной поэзии, отмечая, что преодоление «теории» бесконфликтности и унылого бытописательства в поэзии неотрывно связано с возрождением утерянной традиции Маяковского.

Переходя к характеристике творческого пути поэта, оратор говорит:

— В автобиографии поэта «Я — сам» имеется примечательное место об учителе живописи: «Лучший учитель. Твердый. Меняющийся». Этими же словами можно выразить и характер развития Маяковского — «Твердый», «Меняющийся».

«Твердый» — значит материалист, гуманист, демократ, революционер по самому своему существу. «Меняющийся» — значит растущий, примеряющий чужие одежды в молодости, увлекающийся, ударяющийся в крайности, но все более крепнущий талант, все более вызревающее мировоззрение. Вот одна точка зрения. Правильная. По-настоящему диалектическая. Другая же, эклектическая, хочет примирить непримиримое. Для нее в «меняющемся» потонул, растаял «твердый». В. Огнев критикует в этой связи статьи и книги В. Перцова, В. Новикова.

Он говорит, что вульгаризаторы понимают метод социалистического реализма, как некий раз навсегда данный эталон, который и накладывают поочередно на все этапы движущегося литературного процесса. Но если исходить из того, что Маяковский — основоположник социалистического реализма в поэзии (а не исходить из этого нельзя!), то, изучая творческую эволюцию поэта, следует говорить не столько о сложном пути его к социалистическому реализму, сколько о сложном становлении самого метода в поэзии. Это не значит, по мнению оратора, что начало и исток социалистического реализма в поэзии — первые строки, сочиненные Маяковским. В. Огнев считает своей ошибкой в статье, опубликованной в журнале «Новый мир», то, что он неточно сформулировал эту свою мысль.

Заканчивая выступление, оратор говорит:

— Много и охотно рассуждая на темы противоречий роста, мы забываем о противоречиях жизни, которые объективно выражал Маяковский на различных этапах своего творческого пути. Некоторые исследователи делают акцент на внутренних противоречиях личности поэта, переводя анализ в план субъективистских измышлений. Стараясь «очистить» Маяковского от страшных грехов, самими же ими выдуманных, такие исследователи так «очищают» поэта, что он остается без своих произведений, наедине со своими противоречиями или, в лучшем случае, с двумя зрелыми поэмами. В заботах о бесконечном приближении к «реализму» они «освобождают» Маяковского от всей его драматургии, обходят с опаской колючие кусты сатиры, ищут брода в любовной лирике... Это обедняет поэзию Маяковского, ценную именно остротой видения жизни в ее сложности и реальных противоречиях.

Наряду с верными критическими замечаниями по существу обсуждаемого вопроса В. Огнев в части своего выступления полемизировал со своими оппонентами развязно, без всяких к тому доказательств ставя под сомнение их научные труды.

Утреннее заседание 22 января открылось выступлением **Н. Реформатской.** Она указывает, что три книги незаслуженно были обойдены в докладе В. Друзина: Е. Наумова «Маяковский в первые годы советской власти», Б. Ростоцкого «Маяковский и театр» и Л. Фейгельман «Маяковский в странах народной демократии». Н. Реформатская подробно останавливается на последней книге и считает, что Л. Фейгельман, обстоятельно прослеживая значение Маяковского в становлении революционной славянской литературы, приходит к правильным выводам: для всех поэтов, прокладывающих новые революционные пути в области национальной поэзии, сближение с Маяковским в той или иной степени неизбежно и исторически закономерно. Это сближение неразрывно связано с общим влиянием идей Великой Октябрьской социалистической революции, с ходом самой революционной борьбы в данной стране и теми конкретными задачами, которые на данном этапе ее исторического развития ставятся перед литературой.

— На мой взгляд, — говорит Н. Реформатская, — в книге показано, что конкретные масштабы и формы идейно-художественного воздействия Маяковского на крупнейших революционных поэтов Чехословакии, Болгарии, Польши раскрыты с учетом индивидуального своеобразия их творчества. Маяковский в книге Л. Фейгельман рассматривается как поэт, который был воспринят поэтами стран народной демократии, как продолжатель великих традиций русской классической литературы, на которой учились и с которой были органически связаны крупнейшие представители славянской литературы XIX века. Лучшие славянские поэты нашего времени осваивают традиции Маяковского, не отрываясь от национальной культуры, а обогащая и углубляя революционные традиции национальной поэзии. Все это обосновано анализом обширного конкретного материала.

По мнению Н. Реформатской, серьезным недостатком книги Л. Фейгельман является невнимание к сатирическим традициям творчества Маяковского. Но книга в целом имеет большую познавательную ценность.

Далее Н. Реформатская говорит о необходимости нового издания полного собрания сочинений Маяковского. Присоединяясь к критике, которая была дана И. Эвентовым последнему, двенадцатитомному собранию сочинений Маяковского, Н. Реформатская указывает на текстологические ошибки этого издания, переходящие в дальнейшем во все последующие массовые издания, и говорит, что вопрос о подготовке и разработке нового, подлинно научного издания собрания сочинений Маяковского — настоятельная и неотложная задача.

В. Котов посвятил свое выступление опыту и традициям Маяковского в советской поэзии. Он полемизирует с утверждением А. Суркова, что «каждый по-настоящему советский поэт, в поэтическом образе воспроизводящий нашу советскую действительность,— соратник Маяковского и его творческий последователь».

— Если,— возражает В. Котов,—действительно все советские поэты, работающие сегодня, продолжатели традиции Маяковского, тогда не о чем беспокоиться, не за что бороться. Эта теория, по утверждению В. Котова, обрекает вопрос о продолжении традиции Маяковского и все развитие советской поэзии на самотек и не решает вопроса о подлинном продолжении традиции основоположника советской поэзии.

— Подлинная учеба у Маяковского и подлинное следование его традициям,— говорит оратор, — начинается там, где есть активное, боевое отношение к действительности, беспокойная хозяйская заинтересованность поэта во всем происходящем вокруг, где поэт вместе со всею страной живет ее радостями и болями, не только воспевает очередные успехи и победы своего народа, но и борется за них.

Поэт, занимающий созерцательную позицию по отношению к действительности, не продолжает традиций Маяковского в подлинном смысле этого слова, какие бы отдельные элементы влияния у него ни находили. Далее В. Котов критикует положение в современной поэзии.

— Говорят, что все продолжают дело Маяковского, а со страниц газет и журналов почти исчезла горячая поэтическая публицистика. Бороться с рутиной и гнилью, выжигать их каленым железом точного, образного, гневного, от сердца идущего слова,— разве это не традиция Маяковского, органично вытекающая из его активной позиции борца и строителя, традиция, от которой отошли многие наши поэты, не работающие, например, в жанре сатиры.

Разве пассивная, хотя и образная констатация и риторическое воспевание стихами трудов и подвигов нашего народа, какое мы видим во многих сборниках,— это продолжение традиций Маяковского?!

В. Котов считает, что в работе комиссии по критике в связи с обсуждением книги В. Перцова проявилось стремление к зажиму критики.

Далее он критикует низкий, по его мнению, теоретический уровень доклада В. Друзина.

Следует отметить, что в своем выступлении, говоря о традиции Маяковского, В. Котов походя, демагогически попытался столкнуть и противопоставить друг другу ряд широко известных народу поэтов: одних он аттестовал «подлинными учениками Маяковского», а других огульно охаял и столь же огульно отказал им в том, что они продолжают традиции Маяковского в советской поэзии.

Е. Тагер считает, что противопоставление двух якобы взаимоисключающих концепций творчества Маяковского искусственно раздувается спорящими сторонами. Он критикует существенный недостаток работ В. Перцова и В. Новикова. Этот недостаток — механистическое противопоставление сильных и слабых сторон в творчестве дореволюционного Маяковского. Так, скажем, в поэме «Облако в штанах» резко противопоставлены ее достоинства— жизнеутверждающий боевой оптимизм — ее «ошибкам» — теме трагического надрыва. Но в поэме звучит один голос. Это целостное, страстное и единое в своем существе произведение.

— Сила раннего Маяковского,—говорит оратор, — состоит в том, что гениальный юноша в своих поэмах сумел развернуть огромную социальную трагедию, трагедию человека, восставшего против всего мира капитализма — с его строем, моралью, религией, искусством. И вместе с тем это трагедия, исполненная величайшего революционного пафоса, так как за ней стоит революционная настроенность народных масс.

Переходя к проблеме стиха Маяковского, оратор говорит:

— За последнее время наметилась тенденция, не решая эту проблему, снять ее на том основании, что Маяковский является наследником великих традиций русской классической поэзии, а следовательно, и ее силлабо-тонической системы.

Е. Тагер полемизирует с некоторыми положениями статьи А. Абрамова о ритмике поэмы «Владимир Ильич Ленин». Он считает, что самый метод отыскивания в стихах Маяковского отдельных строчек ямба, хорея и т. д. порочен, так как подобные строчки приобретают совершенно другое звучание в ритмической системе Маяковского.

— Сближение стиха Маяковского с силлабо-тоникой вызвано опасениями, не произойдет ли в противном случае разрыв между Маяковским и классической традицией. Но продолжение традиции состоит в том, что стих Маяковского так же, как и классический, исходя из духа русского языка, стремится вобрать в себя все богатство живой, естественной речи.

В. Тимофеева (Ленинград) посвящает свое выступление языку и стилю Маяковского.

— Марровская теория «взрыва» языка отразилась на работах, посвященных языку Маяковского, выходивших в 30-е годы и начале 40-х годов. В этих работах говорилось о том, что Маяковский «разрушил» старый литературный язык и создал «новый» язык. Язык поэзии Маяковского анализировался в свете этого утверждения. В центре внимания исследователей стояло не то, насколько Маяковский обогатил язык поэзии, а ложно понимаемое языковое новаторство Маяковского.

В. Тимофеева считает необходимым пересмотреть вопрос о языковом новаторстве Маяковского в свете сталинского учения о языке. В этой связи она критикует книгу Г. Винокура «Маяковский — новатор языка», где основной смысл новаторства Маяковского сводится к «словотворчеству» и «речетворчеству».

До сих пор эти неверные работы не получили должной критики в печати.

Далее В. Тимофеева говорит о том, что при глубоком и всестороннем изучении языка поэзии Маяковского неизбежно придется сказать о противоречиях и чуждых влияниях, отразившихся в его ранних произведениях.

У молодого Маяковского были революционные устремления, он их хотел выразить в поэзии, но ему не сразу удалось найти соответствующую художественную форму, ему приходилось преодолевать влияние чуждой художественной формы. Даже на материале изучения языка произведений раннего Маяковского можно видеть, как быстро растет поэт, какое огромное значение имеют для его развития революционная действительность и воздействие — особенно на первом этапе — А. М. Горького.

В последующие годы меняются его принципы работы над словом. В его стихах, написанных для РОСТА, мало сложных словечек, почти совершенно нет неологизмов. А разве эти стихи потеряли в своей выразительности? Нет, это была настоящая, большая школа в работе поэта над языком. Огромное влияние оказал на Маяковского язык трудов Ленина и Сталина.

В заключение В. Тимофеева полемизирует с теми, кто бездоказательно критиковал книги В. Новикова и В. Перцова. Она считает, что при недостатках книги В. Перцова в ней подробно освещается вопрос о связи молодого Маяковского с революционным движением, передовой литературой предоктябрьской эпохи, с Горьким.

Продолжение отчета о совещании будет опубликовано в следующем номере газеты.

* Продолжение. Начало см. в № 10 «Литературной газеты».